

Жорж
Сименон

MEGRÉ,
ЛОНЬОН
И ГАНГСТЕРЫ

Комиссар Мегрэ

Жорж Сименон

Мегрэ, Лоньон и гангстеры

«Азбука-Аттикус»

1952

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

Сименон Ж.

Мегрэ, Лоньон и гангстеры / Ж. Сименон — «Азбука-Аттикус»,
1952 — (Комиссар Мегрэ)

ISBN 978-5-389-15436-0

Предлагаем вашему вниманию повесть Ж. Сименона «Мегрэ, Лоньон и гангстеры». Комиссар Мегрэ – типичный парижанин. Он носит пальто с бархатным воротником, не расстаётся с трубкой и обожает греться у огня. Однако в любое время суток он готов покинуть свою уютную квартиру на бульваре Ришар-Ленуар или прокуренный кабинет на набережной Орфевр, чтобы прийти на помощь оказавшемуся в беде человеку. Разгадывая самые сложные преступления, распутывая самые причудливые интриги, Мегрэ руководствуется одним безотказным принципом: чтобы найти виновных, нужно прежде всего понять смысл их поступков...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Бел)-44

ISBN 978-5-389-15436-0

© Сименон Ж., 1952
© Азбука-Аттикус, 1952

Содержание

Глава 1,	6
Глава 2,	16
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Жорж Сименон

Мегрэ, Лоньон и гангстеры

Georges Simenon
MAIGRET, LOGNON ET LES GANGSTERS

Copyright © 1952, Georges Simenon Limited
GEORGES SIMENON ®
MAIGRET ® Georges Simenon Limited
All rights reserved

Перевод с французского Л. Лунгиной

Серия «Иностранная литература. Классика детектива»

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2017
Издательство Иностранка ®
© Л. Лунгина (наследники), перевод, 2017

* * *

Глава 1, в которой Мегрэ вынужден заняться госпожой Лоньон, ее болезнями и ее гангстерами

– Договорились... договорились... да, месье. Ну да, да... Обещаю... Я сделаю все, что смогу... Так точно... Будьте здоровы... Что-что? Я говорю: будьте здоровы... Обижаться тут нечего... Всего доброго, месье...

Мегрэ повесил трубку – наверное, в десятый раз за последний час, закурил, с укоризной взглянул на окно – нудный холодный дождь хлестал по стеклу – и снова взялся за перо, склонился над рапортом, к которому приступил час назад, но за это время написал всего лишь полстраницы.

Дело в том, что с первой же строчки он стал думать совсем о другом – о дожде, нескончаемом, нудном дожде, предвестнике зимы, который так и норовит попасть вам за шиворот, просочиться сквозь подметки ваших ботинок, стечь крупными каплями с полей вашей шляпы, – об этом холодном дожде, от которого непременно схватишь насморк, гнусном, тоскливом дожде, про который говорят: в такую погоду хороший хозяин собаку из дома не выгонит.

В такой дождь люди, словно привидения, бродят из угла в угол. Может, они и звонят-то без конца просто от скуки?.. То и дело трещал телефон, но из всех этих разговоров едва ли три было деловых. И когда снова раздался звонок, Мегрэ взглянул на аппарат с таким видом, словно собирался размозжить его ударом кулака, и рявкнул:

– Алло?

– Мадам Лоньон желает поговорить с вами лично, она на этом настаивает.

– Кто-кто?

– Мадам Лоньон.

Услышать это имя сейчас, когда Мегрэ и так был вне себя от беспрестанных звонков и скверной погоды, – услышать имя человека, ставшего притчей во языцех в парижской полиции, анекдотически невезучего, за что и прозванного «горе-инспектором», да к тому же, как многие считали, с дурным глазом, – нет, это было уже слишком! Прямо как в водевиле.

А тут еще говорить с ним желал не сам Лоньон, а госпожа Лоньон. Однажды Мегрэ видел ее в квартире Лоньонов на площади Константэн-Пеке, на Монмартре и с того дня перестал злиться на инспектора Лоньона, стараясь только по мере возможности не иметь с ним никаких дел. Но при этом Мегрэ жалел его от всего сердца.

– Соедините меня... Алло! Мадам Лоньон?

– Простите, что я вынуждена побеспокоить вас, месье Мегрэ...

Она говорила чересчур изысканно, отчеканивая каждый слог, как это бывает с людьми, которые силятся подчеркнуть свое хорошее воспитание. Мегрэ почему-то машинально отметил про себя, что сегодня четверг, 19 ноября. Мраморные часы, стоящие на камине, показывали ровно половину одиннадцатого.

– Я никогда не позволила бы себе настаивать на том, чтобы говорить с вами лично, не будь у меня на это чрезвычайно веской причины...

– Слушаю вас, мадам.

– Вы нас знаете – и моего мужа, и меня.

– Да, мадам.

– Мне совершенно необходимо поговорить с вами, господин комиссар. У меня в доме происходят ужасные вещи... Я боюсь... Если бы не болезнь, я бы уже была у вас, на набережной Орфевр. Но, как вам известно, я долгие годы заключена, как в тюрьме, в своей квартире на пятом этаже.

– Если я вас верно понял, вы хотели бы, чтобы я пришел к вам?

– Да, я прошу вас об этом, месье Мегрэ.

Он едва верил своим ушам! Она говорила вежливо, но твердо.

– А вашего мужа нет дома?

– Он исчез.

– Что? Лоньон исчез? Когда?

– Не знаю. Его нет в участке, и никто не знает, где он. А гангстеры снова приходили сегодня утром.

– Кто-кто?

– Гангстеры. Я вам все расскажу. Пусть Лоньон злится на меня. Мне очень страшно.

– Вы хотите сказать, что к вам в дом приходили какие-то люди?

– Да.

– Они ворвались силой?

– Да.

– Они что-нибудь унесли?

– Видимо, документы. Но я не могу этого проверить.

– И все это произошло, как вы говорите, сегодня утром?

– Полчаса назад. Но двое из них приходили и позавчера.

– Как на это реагировал ваш муж?

– С тех пор я его не видела.

– Я еду к вам.

Мегрэ еще не верил в эту историю. Точнее, не совсем верил. Он почесал в затылке, сунул в карман две трубки и приоткрыл дверь в комнату инспекторов.

– Никто ничего не слышал последние дни про Лоньона?

Это имя всегда вызывало улыбку. Нет. Никто о нем не слышал. Инспектор Лоньон, несмотря на свое бешеное честолюбие, работал не на набережной Орфевр, а во втором отделе полицейского комиссариата Девятого округа, и его участок находился на улице Ларошфуко.

– Если меня спросят, я вернусь через час. Есть дежурная машина?

Он надел свое грубошерстное пальто, спустился во двор, где стояла полицейская малолитражка, и дал адрес Лоньона. Дождь лил как из ведра, и прохожие уже не обращали внимания на грязные брызги, которыми их обдавали мчавшиеся мимо машины.

Дом, где жил Лоньон, был ничем не примечателен, построен лет сто назад и, конечно, без лифта. Вздохнув, Мегрэ поплелся на пятый этаж; дверь открылась прежде, чем он успел постучать, и госпожа Лоньон – у нее были красные глаза и красный нос – впустила его в прихожую со словами:

– Я вам так признательна, что вы пришли! Если бы вы только знали, с каким восхищением к вам относится мой бедный муж!

Это было ложью. Лоньон ненавидел Мегрэ. Лоньон ненавидел всех, кому посчастливилось работать на набережной Орфевр, ненавидел всех комиссаров полиции, всех, кто занимал более высокий пост. Он ненавидел пожилых за то, что они были старше его, а молодых – за то, что были моложе. Он...

– Садитесь, пожалуйста, господин комиссар.

Госпожа Лоньон была маленького роста, плохо причесана и одета во фланелевый халат неприятного лилового цвета. У нее были синяки под глазами и вообще изможденный вид; она непрерывно подносила руку к груди, как это делают сердечники.

– Я решила ничего здесь не трогать, чтобы вы сами все осмотрели...

Квартирка была маленькая: столовая, гостиная, спальня, кухонька и туалетная комната – все таких размеров, что мебель мешала открывать полностью двери. На кровати спал, свернувшись в клубочек, черный кот.

Мадам Лоньон ввела Мегрэ в столовую – было ясно, что гостинной они вообще никогда не пользуются. Все ящики буфета были выдвинуты, но там лежало не серебро, а какие-то бумаги, блокноты, фотографии. Видно было, что в них кто-то рылся: на полу валялись письма.

– Я полагаю, – сказал Мегрэ, вертя трубку в руке, но не решаясь закурить, – что лучше всего вам рассказать мне все сначала. По телефону вы мне что-то говорили о гангстерах.

– Да. Всю эту неделю Лоньон дежурил по ночам. Во вторник утром он вернулся домой, как обычно, в начале седьмого. Но вместо того чтобы поесть и лечь спать, он больше часа бегал взад-вперед по комнатам – у меня даже голова закружилась.

– Вам показалось, что он чем-то взволнован?

– Вы же знаете, господин комиссар, как он добросовестен. Я не переставая ему твержу, что он даже чересчур добросовестен, что он подрывает свое здоровье и что все равно ему никогда не дождаться благодарности. Вы уж извините меня за откровенность, но вы же не станете отрицать, что Лоньона еще не оценили по достоинству. Ведь он только и думает что о своей работе, отдает ей все силы, живьем себя съедает...

– Итак, во вторник утром...

– В восемь часов утра он спустился вниз, чтобы купить еду. Мне стыдно, что я стала совсем беспомощной, хотя в этом нет моей вины. Врач запретил мне подниматься по лестнице, и Лоньону приходится самому приносить в дом все необходимое. Конечно, бегать за покупками – неподходящее занятие для такого человека, как он, я это знаю. И каждый раз я...

– Итак, во вторник утром...

– Он отправился в магазин. Потом сказал, что ему необходимо зайти в комиссариат, но что там он, наверное, долго не задержится, а спать будет после обеда.

– Он не говорил вам, чем он сейчас занимается?

– Нет, он никогда не говорит о делах. А если я, не дай бог, задам ему насчет этого какой-нибудь вопрос, он всегда отвечает, что это профессиональная тайна.

– С тех пор он не возвращался?

– Нет, он вернулся часов в одиннадцать.

– В тот же день?

– Ну да, во вторник, около одиннадцати.

– И все так же нервничал?

– Не знаю уж, в нервах ли тут было дело или в ужасном насморке, но чувствовал он себя явно плохо. Я умоляла его подумать о себе, принять лекарство и лечь в постель. Но он ответил, что лечением займется потом, когда у него будет время, что он должен снова уйти и вернуться к обеду, а возможно, и раньше.

– Он пришел к обеду?

– Подождите! Господи, вы только послушайте, что я подумала: а вдруг я его больше никогда не увижу? А я как раз осыпала его упреками и все твердила, что он думает только о работе и совсем не заботится о своей больной жене!..

Мегрэ покорно ждал; ему неудобно было сидеть на таком скрипучем стуле, но он не решался откинуться на спинку, боясь, что стул вот-вот развалится.

– Через четверть часа после его ухода... а может быть, даже и четверти часа не прошло, короче, около часа дня я услышала на лестнице чьи-то шаги и подумала, что это, наверно, к жиличке с шестого этажа... Эта дама, между нами говоря, вызывает...

– Да, так, значит, шаги на лестнице...

– Шаги затихли на нашей площадке... Я как раз только прилегла – доктор велел мне отдыхать после каждой еды. Раздался стук в дверь, но я не двинулась с места. Лоньон мне советовал не открывать, если люди, постучав, не называют себя. Когда работаешь в полиции, нельзя не иметь врагов, не правда ли? Вы понимаете, как я была удивлена, когда услышала, что дверь сама открылась, а потом раздались шаги сперва в прихожей, потом в столовой. Их

было двое, двое мужчин. Они заглянули в спальню и увидели меня. Я крикнула, чтобы они немедленно убирались вон, грозила позвать полицию и даже протянула руку к телефону на ночном столике.

– Ну?

– Тогда один из них, тот, что поменьше ростом, пригрозил мне револьвером и сказал что-то, видимо по-английски.

– Что это были за люди?

– Не знаю, как вам сказать. Они были очень хорошо одеты. Оба курили сигареты. Шляп они не сняли. Казалось, они были удивлены, не обнаружив того, что искали. «Если вам нужен мой муж...» – начала я, но они меня не стали слушать. Тот, что повыше, обошел квартиру, а маленький тем временем не спускал с меня глаз. Они заглянули даже под кровать и порылись в стенном шкафу.

– А в ящиках они не рылись?

– Эти двое – нет. Они пробыли здесь не больше пяти минут, ни о чем меня не спросили и преспокойно ушли, словно их визит был чем-то вполне естественным. Конечно, я тут же бросилась к окну и увидела, как они стоят на тротуаре возле большой черной машины и что-то обсуждают. Длинный сел в машину, а второй пошел пешком до угла улицы Коленкур. Мне показалось, что он вошел в бар. Я тут же позвонила мужу в комиссариат.

– Он оказался на месте?

– Да, он только что туда пришел. Я рассказала ему, что произошло.

– Он был удивлен?

– Кто его знает. По телефону он всегда разговаривает каким-то странным тоном.

– Он попросил вас описать этих людей?

– Да, и я это сделала.

– Опишите их и мне.

– Очень смуглые, похожие на итальянцев, но я убеждена, что говорили они не по-итальянски. Мне кажется, что главным был длинный – красивый мужчина, ничего не скажешь, только, пожалуй, слишком полный, лет сорока. У него был такой вид, словно он только что вышел из парикмахерской.

– А маленький?

– Тот выглядел куда вульгарней! Нос у него перебит, блестел золотой зуб. На нем были серый плащ и серая шляпа, а на его товарище – новенькое, с иголочки, пальто, знаете, такое, из верблюжьей шерсти...

– Ваш муж прибежал домой?

– Нет.

– Он прислал полицейских?

– Нет. Он только попросил меня не волноваться, если ему придется несколько дней отсутствовать. Когда я его спросила, что же я буду есть, он мне ответил, что едой он меня обеспечит.

– И он это сделал?

– Да. Вчера утром пришел посыльный и принес продукты. И сегодня тоже.

– Вчера вы не имели никаких других сигналов от Лоньона?

– Он звонил мне дважды по телефону.

– А сегодня?

– Один раз, часов в девять утра.

– Вы не знаете, откуда он вам звонил?

– Нет. Он никогда не говорит, где он находится. Не знаю, как себя ведут другие полицейские инспекторы со своими женами, но он...

– Простите, вернемся к сегодняшнему визиту.

– Я снова услышала на лестнице шаги.

– В котором часу?

– Вскоре после того, как пробило десять. Я не поглядела на будильник. Быть может, в половине одиннадцатого.

– Это были те же люди?

– Вероятно, но вошел в квартиру тип, которого я прежде не видела. Он не постучал, а сам открыл дверь, словно у него был ключ. Наверно, он пользовался отмычкой. Я как раз возилась в кухне, чистила овощи и вдруг увидела его – он стоял в дверях. «Не двигайтесь с места, – сказал он. – А главное, не кричите. Я вам ничего не сделаю».

– Он говорил с акцентом?

– Да. По-французски он говорил не очень хорошо, с ошибками. Я почти уверена, что это американец: высокий рыжеватый блондин, косая сажень в плечах и жует резинку... Типичный американец... Он с любопытством глядел по сторонам, словно впервые попал в парижскую квартиру. Он сразу же заметил в гостиной на стене, в рамочке из черного дерева с позолотой, диплом, который Лоньон получил за двадцать пять лет безупречной службы в полиции. В дипломе были обозначены фамилия мужа и его звание. «Шпик, черт побери! – воскликнул он и, обернувшись ко мне, спросил: – Где ваш муж?» Я ответила, что понятия не имею, но это, как мне показалось, его несколько не обеспокоило, он тут же стал выдвигать все ящики и просматривать лежащие там документы, счета и письма. Затем он покидал все это как попало обратно, часть бумаг упала на пол. Он нашел и нашу фотографию, снятую пятнадцать лет назад, взглянул на меня, покачал головой и сунул ее себе в карман.

– Короче, он, видимо, не предполагал, что ваш муж работает в полиции?

– Не могу сказать, что это его особенно поразило, но убеждена, что он этого не знал, когда явился сюда.

– Он спросил вас, в каком комиссариате служит ваш муж?

– Он спросил, где бы он мог его найти. Я ответила, что в точности не знаю, что муж никогда не говорит со мной о своей работе.

– О чем он еще спрашивал?

– Ни о чем. Он продолжал разглядывать все, что ему попадалось под руку.

– В ящичке лежали и деловые бумаги?

– Да. Кое-что он сунул себе в карман вместе с фотоснимком. На верхней полке буфета стояла бутылка кальвадоса, и он налил себе большую рюмку.

– Это все?

– Он даже заглянул под кровать и в стенные шкафы. Потом он вернулся в столовую, выпил еще рюмку кальвадоса, с насмешливой улыбкой поклонился мне и ушел.

– Вы не обратили внимания, он был в перчатках?

– Да, в перчатках из свиной кожи.

– А те двое в тот раз?

– Кажется, они тоже были в перчатках. Во всяком случае, тип, который грозил мне пистолетом.

– Вы и сегодня подошли к окну после его ухода?

– Да, я видела, как он вышел из дому и направился к перекрестку; на углу улицы Коленкур его подждал один из тех двух типов, тот, что поменьше ростом. Я немедленно позвонила в комиссариат на улице Ларошфуко и попросила Лоньона. Мне сказали, что утром его не было и что они его не ждут, а когда я стала настаивать, мне объяснили, что он не появился и прошлой ночью, хотя это было его дежурство.

– Вы им сообщили, что у вас происходит?

– Нет. Я тут же подумала о вас, господин комиссар. Видите ли, я ведь знаю Лоньона как облупленного. Он готов в лепешку расшибиться, лишь бы все сделать как можно лучше. До сих пор никто еще не оценил его по достоинству, но он мне часто говорил о вас. Я знаю, вы

не похожи на других, вы ему не завидуете, вы... Я боюсь, месье Мегрэ. Должно быть, Лоньон замахнулся на людей, с которыми ему не справиться, и бог знает, где он сейчас находится...

Раздался телефонный звонок. Госпожа Лоньон вздрогнула:

– Вы разрешите?

Мегрэ услышал, как она вдруг заговорила обиженным тоном:

– Как! Это ты? Где ты? Я звонила в участок, и мне сказали, что со вчерашнего дня ты туда не заглядывал. К нам приехал комиссар Мегрэ.

Мегрэ подошел к ней и протянул руку к трубке.

– Разрешите?.. Алло! Лоньон, это вы?

Лоньон не мог вымолвить ни слова, должно быть, он застыл, стиснув зубы и глядя в одну точку.

– Скажите, Лоньон, где вы сейчас находитесь?

– В комиссариате.

– А я – в вашей квартире, в обществе вашей жены. Мне необходимо с вами поговорить. Я сейчас заеду на улицу Ларошфуко. Ждите меня... Что вы говорите?

Он с трудом расслышал, как инспектор пробормотал:

– Я бы предпочел встретиться с вами в другом месте... Я вам потом объясню, господин комиссар...

– Тогда через полчаса я буду ждать вас у себя, на набережной Орфевр.

Он повесил трубку и взял шляпу.

– Как вы думаете, беды не случится? – спросила госпожа Лоньон.

И так как Мегрэ глядел на нее, явно не понимая вопроса, она добавила:

– Он такой отчаянный и такой усердный, что иногда...

– Пусть войдет.

Лоньон промок до нитки. Брюки и ботинки его были в таком виде, как будто он всю ночь шатался по улицам. К тому же его мучил страшнейший насморк, и он ни на минуту не выпускал из рук носового платка. Слегка наклонив голову, как человек, ожидающий выговора, он застыл посреди комнаты, не подходя к Мегрэ.

– Садитесь, Лоньон. Я только что от вас.

– Что вам рассказала жена?

– Полагаю, все, что знала.

Наступила довольно долгая пауза, которой Лоньон воспользовался, чтобы высморкаться, но поднять глаза и посмотреть Мегрэ прямо в лицо он так и не решился. Комиссар знал, как обидчив Лоньон, и поэтому медлил, соображая, с чего лучше начать разговор.

Характеристика, которую госпожа Лоньон дала своему мужу, не была такой уж неточной. Этот странный человек от излишнего усердия постоянно попадал в дурацкие положения и был при этом уверен, что весь мир в сговоре против него, что все вокруг тайно строят козни, чтобы помешать ему получить повышение.

И удивительнее всего то, что инспектор Лоньон был вовсе не глупым, действительно добросовестным и честным человеком.

– Она лежит? – спросил он, прерывая затянувшееся молчание.

– Когда я приехал, она была на ногах.

– Сердится?

– Располагайтесь поудобней, Лоньон, и не отводите глаз. Вне зависимости от того, что мне наговорила ваша жена, достаточно взглянуть на вас, чтобы понять: с вами происходит что-то неладное. Вы мне непосредственно не подчиняетесь, следовательно ваши дела меня как бы не касаются. Но раз уж ваша супруга обратилась ко мне, может быть, все же лучше посвятить меня в то, что приключилось. Как вы думаете?

– Думаю, вы правы.

– В таком случае я попрошу вас рассказать мне все, вы понимаете, все, а не почти все.

– Понимаю.

– Очень хорошо. Курите, пожалуйста.

– Я не курю.

Это было правдой. Мегрэ просто забыл, что Лоньон не курит из-за жены, которой делается дурно от запаха табака.

– Что вы знаете об этих гангстерах?

– Я думаю, это настоящие гангстеры.

– Американцы?

– Да.

– Как вы с ними связались?

– Сам толком не пойму. Я оказался сейчас в таком положении, что, наверное, лучше вам во всем чистосердечно признаться, даже если я потеряю из-за этого место.

Он не сводил глаз с письменного стола, и его нижняя губа дрожала.

– Все равно рано или поздно это должно было случиться.

– Что именно?

– Вы сами знаете. Меня держат только потому, что нет повода меня уволить, потому что им еще ни разу не удалось ко мне прицепиться, все они уже много лет так и норовят застукать меня...

– Кто они?

– Да все.

– Послушайте, Лоньон!..

– Да, господин комиссар!

– Пожалуйста, не считайте себя жертвой, которую все преследуют, – это просто смешно!

– Извините, господин комиссар.

– Да что вы стоите точно в воду опущенный? Взгляните хоть разок на меня. Ну вот, так-то оно лучше, так вы хоть похожи на мужчину. А теперь выкладывайте, в чем дело.

Лоньон не плакал, но от насморка глаза его слезились, он ежесекундно подносил платок к лицу, и это раздражало Мегрэ.

– Ну, я вас слушаю.

– Это случилось в понедельник, вернее, в ночь с понедельника на вторник.

– Вы дежурили?

– Да. Было что-то около часа ночи. Притаившись, я наблюдал за происходящим вокруг.

– Где вы стояли?

– За оградой церкви Нотр-Дам-де-Лоретт, на улице Флешье.

– Выходит, на чужом участке?

– Нет, как раз на границе двух участков; правда, улица Флешье относится к третьему кварталу, но следил я за баром на углу улицы Мартир, которая входит в мой участок. Мне донесли, что туда по ночам заходит один тип, торгующий кокаином. Улица Флешье плохо освещена и в такой поздний час всегда пустынна. Вдруг из-за угла улицы Шатодэн появилась какая-то машина, резко затормозила и на мгновение остановилась метрах в десяти от меня. Люди, сидевшие в машине, меня не заметили. Дверца распахнулась, и на тротуар выбросили человека, точнее, труп человека; затем машина сорвалась с места и умчалась по улице Сен-Лазар.

– Вы записали ее номер?

– Да. Прежде всего я кинулся к трупу. Я мог поклясться, что человек этот мертв, но все же мне надо было в этом убедиться. В темноте я ощупал его грудь и тут же отдернул руку – рубаха была пропитана липкой, еще теплой кровью.

Нахмутив брови, Мегрэ пробормотал:

– Что-то я ничего об этом не читал в сводке происшествий за ту ночь.

– Знаю.

– Каким же образом?..

– Сейчас я вам объясню. Я прекрасно отдаю себе отчет в том, что поступил неправильно.

Быть может, вы мне даже не поверите...

– Что стало с телом?

– Вот именно об этом я и хочу рассказать. Полицейского поблизости не оказалось. Бар – он находился метрах в ста от места происшествия – был еще открыт. Я бросился туда, чтобы позвонить.

– Кому?

– В комиссариат третьего квартала.

– Вы позвонили?

– Я подошел к стойке, чтобы взять жетон для автомата, и, машинально бросив взгляд через окно на улицу, увидел вторую машину, которая свернула с улицы Флешье на улицу Нотр-Дам-де-Лоретт и затормозила у того места, где лежал труп. Тогда я выскочил из бара, чтобы записать ее номер, но машина была уже слишком далеко.

– Такси?

– Не думаю. Все это произошло очень быстро. Я почувствовал что-то неладное и со всех ног кинулся к церкви. Трупа у решетки не оказалось.

– И вы не доложили об этом?

– Нет.

– Вам не пришло в голову, что если сообщить номер первой машины, ее, может быть, удалось бы задержать?

– Я подумал об этом, но решил, что люди, способные на такие вещи, не настолько глупы, чтобы долго разъезжать на этой машине.

– И вы не написали рапорта о происшедшем?

Мегрэ, конечно, понял, в чем дело. Долгие годы бедняга Лоньон ждал, что ему посчастливится напасть на какое-нибудь громкое дело, которое привлечет к нему всеобщее внимание. И, как нарочно, всякий раз, когда на его участке происходило что-нибудь серьезное, он либо не дежурил, либо по тем или иным причинам розыск поручали оперативной группе с набережной Орфевр.

– Я знаю, что поступил неправильно. Я понял это очень скоро, еще ночью, но, поскольку я тут же не доложил начальству, было уже поздно...

– Вы нашли машину?

– Утром я отправился в префектуру, просмотрел списки и установил, что эта машина приписана к гаражу у ворот Майо. Я пошел туда и выяснил, что в этом гараже можно взять машину напрокат – на день, два или даже на месяц.

– Машина была на месте?

– Нет. Ее взяли за два дня до этого на неопределенный срок. Мне показали регистрационную карточку клиента – это был некий Билл Ларнер, подданный США, проживающий в гостинице «Ваграм» на авеню Де Ваграм.

– Вы застали там Ларнера?

– Нет, он ушел из гостиницы в четыре часа утра.

– Вы хотите сказать, что до четырех утра он находился в своей комнате?

– Да.

– Значит, в машине его не было?

– Наверняка. Портье видел его, когда он поднимался к себе в номер, – это было около двенадцати ночи. В половине четвертого утра Ларнеру позвонили, и он тут же ушел.

– Вещи он взял с собой?

– Нет. Он сказал, что идет на вокзал встретить друга и вернется к завтраку.

– Конечно, он не вернулся?

– Нет.

– А машина?

– Утром ее обнаружили возле Северного вокзала. – Лоньон снова высморкался и с виноватым видом поглядел на Мегрэ. – Повторяю, я поступил неправильно. Сегодня уже четверг, а я со вторника, с самого утра, безуспешно пытаюсь во всем этом разобраться. Двое суток я не был дома.

– Почему?

– Жена вам, наверное, сказала, что во вторник, едва я ушел, они явились ко мне домой. Ведь это о чем-то говорит, верно?

Мегрэ его не перебивал.

– По-моему, здесь может быть только одно объяснение: выбросив труп на тротуар, они заметили, что кто-то стоит в тени у решетки. Они подумали, что, вероятно, я записал номер их машины, и бросили ее у вокзала, а потом позвонили Биллу Ларнеру и предупредили его – ведь по регистрационной карточке в гараже его теперь легко найдут.

Мегрэ слушал, рисуя что-то в блокноте.

– А дальше что?

– Не знаю. Я ведь только высказываю предположение: должно быть, они просмотрели газеты и убедились, что об этом деле молчат.

– А как узнали ваш адрес?

– Я нахожу этому только одно объяснение, и оно доказывает, что мы имеем дело с очень ловкими людьми, с профессионалами высокого класса. Видимо, кто-то из них дежурил возле гаража, когда я приходил туда справиться о машине, и выследил меня. А как только я, позавтракав, ушел из дому, они проникли в мою квартиру.

– Они что, надеялись найти у вас труп?

– Вы тоже так думаете?

– Не знаю... Почему вы с тех пор не были дома?

– Потому что они, скорее всего, наблюдают за домом.

– Вы их боитесь, Лоньон?

Щеки Лоньона стали такими же пунцовыми, как и его нос.

– Я предполагал, что меня в этом заподозрят. Но это неправда. Я хотел только сохранить свободу передвижения. Я снял комнату в маленькой гостинице на площади Клиши. С женой я говорю по телефону. Все это время я работаю без устали. Я обошел больше ста гостиниц в районе Терн, вокруг авеню Де Ваграм и авеню Де Опера. Жена описала мне тех двух типов, которые ворвались к нам в дом. Я побывал в префектуре, в отделе иностранцев. При этом я делал и всю свою текущую работу...

– Короче говоря, вы надеялись, что сумеете один расследовать это дело?

– Сперва – да. Я считал, что это мне окажется под силу. А теперь я отступаю. Пусть будет что будет.

Бедный Лоньон! Несмотря на свои сорок семь лет и некрасивую внешность, он минутами напоминал обиженного мальчишку, повзрослевшего сорванца, ненавидящего взрослых, от которых приходится зависеть.

– Сегодня они нанесли вашей жене второй визит, и она, не сумев вас найти, позвала меня.

Инспектор был в отчаянии. Он посмотрел на Мегрэ с таким видом, словно хотел сказать, что теперь ему уже все безразлично.

– На этот раз приходили не те два типа, что во вторник, а высокий блондин, почти рыжий...

- Это Билл Ларнер, – пробурчал Лоньон, – мне его так описали.
 - Он унес вашу фотографию и, видимо, какие-то документы. На углу его ждал один из тех двух, что уже были у вас. Они ушли вместе.
 - Я полагаю, что должен ответить за свой проступок перед судом чести.
 - Об этом мы еще успеем поговорить.
 - Когда?
 - После завершения следствия.
- Лоньон нахмурил брови, лицо его по-прежнему было мрачным.
- Главное сейчас – найти этих людей. Надеюсь, вы того же мнения?
 - И я буду в этом участвовать?
- Мегрэ ничего не ответил.

Глава 2, в которой инспектор Лоньон из кожи вон лезет, чтобы доказать, что он благовоспитанный человек, хотя речь идет о личностях весьма подозрительных

Было около пяти часов, когда Мегрэ соединили наконец с Вашингтоном. Уже давно пришлось зажечь свет, а многочисленные посетители успели за день так затоптать пол в его кабинете, что он стал темным. В самом ли деле табак в такую погоду меняет вкус, или Мегрэ тоже подхватил грипп?

Он услышал, как телефонистка объявила по-английски:

– Парижская сыскная полиция. Комиссар Мегрэ у аппарата.

И тут же раздался молодой, веселый, сердечный голос Джимми Макдональда:

– Алло! Жюль?

За время своей поездки по Соединенным Штатам Мегрэ привык, правда не без труда, к такому обращению, но все же и теперь ему это давалось нелегко. Поэтому он задержал на мгновение дыхание, прежде чем в свою очередь произнести:

– Алло, Джимми!

Макдональд, один из опытных сотрудников ФБР, сопровождал Мегрэ в поездке по крупным городам США. Это был высокий сероглазый парень; галстук он почти всегда таскал в кармане, а пиджак перекидывал через руку.

За океаном после пятиминутного знакомства все обычно называют друг друга по имени.

– Как Париж?

– Хлещет дождь.

– А у нас солнышко.

– Послушайте, Джимми, мне нужна справка. Прежде всего, известен ли вам некий Билл Ларнер?

– Sweet¹ Билл?

– Не знаю. Я знаю только имя Билл Ларнер. Судя по внешности, ему лет сорок.

– Видимо, это он. Он уехал из Штатов года два назад и проболтался несколько месяцев в Гаване, прежде чем отправиться в Европу.

– Опасен?

– Он не убийца, если вы это имеете в виду, но один из самых ловких воров, так сказать, американской школы. Мошенник высшего класса; никто не умеет лучше его выманить у наивного обывателя пятьдесят долларов, посулив ему в будущем миллион. Так, значит, он у вас?

– Да, он в Париже.

– Быть может, по французским законам вам удастся отправить его за решетку. У нас это никогда не получалось: невозможно было собрать достаточно улики и всякий раз приходилось выпускать его на свободу. Хотите, я вам вышлю копию его досье?

– Если можно. Но это еще не все. Я вам прочту сейчас список фамилий. Если попадутся знакомые, скажите.

Мегрэ дал задание Жанвье. Сыскная полиция достала списки всех пассажиров, высадившихся в Гавре и Шербуре за последние несколько недель. От портовых инспекторов, которые проверяли паспорта при высадке, были получены сведения, которые позволили сразу же исключить из этого списка значительное число имен.

¹ Нежный (англ.).

– Вы меня хорошо слышите?

– Будто вы находитесь в соседнем кабинете.

На десятой фамилии Макдональд прервал своего французского коллегу:

– Вы сказали – Чинаглиа?

– Чарли Чинаглиа.

– Он тоже у вас?

– Прибыл две недели назад.

– Этого бы хорошо не выпускать из поля зрения. Он уже сидел в тюрьме раз пять или шесть и, если бы не умел выходить сухим из воды, давно угодил бы на электрический стул. Это – убийца. К несчастью, он попался только за ношение оружия, драки с увечьем, бродяжничество и тому подобное...

– Как он выглядит?

– Маленького роста, всегда одет с излишней тщательностью, на пальце – бриллиантовое кольцо, носит ботинки только с высокими каблуками. Нос перебит, уши как у боксера.

– Похоже, он прибыл вместе с неким Чичеро, который занимал соседнюю каюту.

– Черт подери! Тони Чичеро работал с Чарли в Сен-Луи, но сам в мокрых делах не участвует – он, так сказать, мозговой трест.

– У вас есть о них какие-нибудь материалы?

– Достаточно, чтобы создать целую библиотеку. Пошлю вам самое интересное. И фотографии. Сегодня же, вечером самолетом.

Остальных фамилий Макдональд не знал.

Мегрэ надо было поговорить по поводу другого дела с начальником сыскной полиции, поэтому он вышел из кабинета с папкой протоколов в руке. Пересекая приемную, он почувствовал на себе чей-то взгляд, обернулся и с удивлением обнаружил в самом темном углу, на краешке кресла, Лоньона; когда инспектор увидел, что Мегрэ его заметил, по его лицу скользнула жалкая улыбка.

Было около шести. Почти все инспекторы уже ушли, и длинный, всегда пыльный коридор был совершенно пуст.

Если Лоньону необходимо было с ним снова поговорить, он должен был бы позвонить по телефону либо доложить о своем приходе через секретаря. На худой конец, просто зайти в комнату инспекторов: ведь как-никак он тоже служит в полиции!

Но нет, Лоньон повел себя совсем по-другому! Он совершил ошибку и теперь, видно, испытывал потребность оказаться в унижительном положении – сидеть и часами ждать, как жалкий бесправный проситель, пока Мегрэ, проходя мимо, случайно не обратит на него внимание.

Мегрэ чуть не рассердился, потому что чувствовал в поведении Лоньона смирение паче гордости. Лоньон как бы говорил своим видом: «Вот видите, я провинился, и вы могли бы вызвать меня на дисциплинарный совет. Но вы проявили доброту. Я это понимаю и должен теперь все стерпеть, как человек, которому оказывают милость». Какая чушь! В этом весь Лоньон, и, может, именно из-за его жалкого вида так тягостно было ему помогать. Даже простуда его была как бы не только простудой, но искуплением вины!

За это время Лоньон успел переодеться. Но и этот костюм был не лучше прежнего. Ботинки он тоже сменил, и пока они были еще сухие, но пальто на нем было все то же, насквозь промокшее, хоть выжимай, – видно, другого у него не было.

Он, вероятно, приехал на автобусе и долго ждал его на остановке, под проливным дождем, ждал, словно бросал всем вызов: «Глядите на меня! Машины мне не дают, а такси я нанять не могу, вернее, не хочу, я не намерен потом объясняться с нашим кассиром, который всех подозревает в жульничестве, когда принимает отчеты о служебных расходах. Я не жулик. Я честный человек. Абсолютно честный!»

- Вы хотите со мной поговорить? – спросил Мегрэ.
- Мне не к спеху. Я подожду, пока вы сможете меня принять.
- Тогда пройдите в мой кабинет.
- Разрешите мне подождать вас здесь.

Болван! Мрачный болван! И все же как его не пожалеть? Он наверняка очень несчастен и ест себя поедом.

Когда двадцать минут спустя Мегрэ вышел из кабинета начальника, он застал Лоньона на том же месте; тот сидел неподвижно, и с пальто его, как с зонтика, стекали на пол крупные капли.

– Заходите ко мне, садитесь.

– Я подумал, что должен сообщить вам все, что мне удалось узнать. Сегодня утром вы мне не дали никаких точных указаний, и я понял, что мне следует попытаться сделать то небольшое, что в моих силах.

Все то же чрезмерное самоуничижение. Правда, обычно Лоньон был несносен из-за чрезмерной гордости.

– Я вернулся в гостиницу «Ваграм». Билл Ларнер там так и не появлялся, но мне удалось собрать о нем кое-какие сведения.

Мегрэ едва не сказал: «Мне тоже», но сдержался. К чему это?

– Он в течение почти двух лет занимает один и тот же номер. Я зашел туда. Там по-прежнему лежат его вещи. По всей видимости, он забрал с собой только портфель с документами и бумагами, потому что в ящиках я не нашел ни паспорта, ни писем. Он одевается у самых дорогих портных, живет широко и щедро дает на чай. Я спросил, бывают ли у него друзья. Мне ответили, что нет. Зато ему то и дело звонят. Писем он не получает. Один из дежурных администраторов сказал, что Ларнер часто обедает в ресторане у Поччо на улице Акаций, – во всяком случае, он несколько раз видел, как Ларнер туда заходил.

– Вы были у Поччо?

– Нет еще. Я подумал, что, может быть, вы сами захотите туда отправиться. Зато я говорил со служащими почтового отделения на улице Ноель. Ему пишут туда до востребования. В основном он получает письма из Соединенных Штатов. Вчера утром он заходил за своей корреспонденцией. Сегодня его там еще не видели, но на его имя, правда, ничего и не поступило.

– Это все, что вы узнали?

– Почти. Я побывал еще в префектуре, в отделе регистрации иностранцев, и нашел его досье – ведь он попросил вид на жительство в Париже по всей форме. Родился он в штате Омаха, это в Америке, но где точно, не знаю; ему сорок пять лет.

Лоньон вытащил из своего бумажника небольшую фотографию – несколько таких фотографий иностранцы должны сдавать при оформлении вида на жительство. Судя по этой фотографии, Билл Ларнер – красивый мужчина, с живыми и веселыми глазами, этакий бонвиван, пожалуй только чуть-чуть отяжелевший.

– Вот все, что мне удалось узнать. Я пытался обнаружить отпечатки пальцев в своей квартире, но их не оказалось. Дверь, правда, они открыли отмычкой, но работали, видно, в перчатках.

– Ваша жена чувствует себя лучше?

– Вскоре после моего прихода у нее был припадок. Сейчас она лежит в постели.

Разве он не мог бы сказать это более естественным тоном? Он словно извинялся за болезнь жены, – казалось, и тут он считал себя лично во всем виноватым.

– Ах да, чуть не забыл. Я еще заскочил в гараж у ворот Майо, чтобы показать им фотографию. Они подтвердили, что именно Ларнер взял у них напрокат машину. Когда надо было внести деньги в залог, он вытащил из кармана брюк целую пачку банкнот. Говорят, там были

купюры даже в тысячу франков. Машина оказалась на месте, и я ее тщательно осмотрел. Ее недавно вымыли, но на заднем сиденье я обнаружил пятна – должно быть, пятна крови.

– Нет ли пробоин или вмятин от пуль?

– Не заметил.

И Лоньон снова принялся сморкаться с тем же видом, с каким женщины, перенесшие тяжелую потерю, вдруг ни с того ни с сего начинают вытирать слезы во время самого обычного разговора.

– Что вы теперь намерены делать? – спросил комиссар, стараясь не глядеть на Лоньона.

От одного вида его красного носа и влажных глаз у Мегрэ самого стали слезиться глаза, и ему показалось, что и у него разыгрался грипп. Но он не мог не испытывать жалости к Лоньону: несмотря на этот ужасный, холодный дождь, бедняга несколько часов мотался взад-вперед по Парижу, хотя все, что он узнал, можно было выяснить по телефону. Но стоит ли об этом говорить? Не испытывал ли Лоньон потребности таким образом наказать себя?

– Я буду делать все, что вы мне поручите. Я вам крайне благодарен, что вы мне разрешаете принимать участие в расследовании, хотя и понимаю, что я никак не могу на это претендовать.

– Ваша жена ждет вас к обеду?

– Она меня никогда не ждет. Но даже если бы она меня ждала...

Мегрэ хотелось крикнуть: «Прекратите! Ведите себя как мужчина, черт побери!» Но вместо этого он, как бы помимо воли, сделал вдруг Лоньону нечто вроде подарка:

– Послушайте, Лоньон, сейчас половина седьмого. Я позвоню домой, скажу жене, что задержусь, и мы вместе пообедаем у Поччо. Быть может, мы обнаружим там что-нибудь интересное.

Он зашел в соседнюю комнату, дал какие-то указания Жанвье, натянул на себя свое толстое пальто, и несколько минут спустя они уже поджидали такси на углу набережной. Дождь все не утихал. Париж напоминал туннель, по которому мчится поезд: свет огней казался неестественным, а люди жались к стенам, словно старались укрыться от какой-то таинственной опасности.

Уже в пути Мегрэ пришла в голову новая идея, и он попросил остановить машину у первого попавшегося бистро.

– Мне надо позвонить. А заодно глотнем по рюмочке.

– Я вам нужен?

– Нет, а что такое?

– Я предпочел бы подождать вас в машине. От спиртного у меня всегда изжога.

Это был небольшой бар для шоферов. В жарко натопленном зале воздух был сизый от дыма. Рядом с кухней висел телефон.

– Отдел иностранцев? Это ты, Робен? Добрый вечер, старик. Взгляни, пожалуйста, есть ли в регистрационных книгах имена, которые я тебе сейчас назову?

И он продиктовал по буквам фамилии Чинаглиа и Чичеро.

Имен этих в книгах не оказалось. Чинаглиа и Чичеро в префектуру не заходили: видимо, они не собирались долго оставаться в Париже.

– Улица Акаций!

Мегрэ казалось, что в этот день он был чрезмерно великодушен: пока они ехали в такси, он рассказал Лоньону о том, что уже успел предпринять.

– Вне всякого сомнения, именно Чарли Чинаглиа и Чичеро посетили во вторник вашу квартиру. Несомненно также, что они действовали в сговоре с Ларнером, который достал им машину. А потом этот Ларнер и самолично явился к вам. Видимо, он вынужден был это сделать потому, что те два типа не говорят по-французски.

– Мне это тоже приходило в голову.

– В первый раз они искали не документы, а человека, живого или мертвого, того самого, которого они выбросили из машины на улице Флешье. Вот почему они заглядывали под кровать и открывали стенные шкафы. Ничего не найдя, они решили выяснить, кто вы такой, где вас можно увидеть, и послали к вам Ларнера, а он уже рылся в ящиках.

– Теперь они знают, что я работаю в полиции.

– Это их не обрадовало. И то, что газеты молчат об этом деле, их тоже, вероятно, тревожит.

– Вы не боитесь, что они смоются?

– На всякий случай я предупредил вокзалы, аэродромы и полицию на шоссе на дорогах. Я дал их приметы. Вернее, в данный момент этим занимается Жанвье.

Несмотря на темноту, он уловил, что улыбка скользнула по губам Лоньона. Нетрудно было догадаться о ходе его мыслей: «Вот почему все кричат о великом Мегрэ! Когда инспектору вроде меня нужно как угорелому носиться по Парижу, чтобы собрать кое-какие жалкие сведения, знаменитому комиссару достаточно позвонить в Вашингтон и дать задания целому штату сотрудников оповестить вокзалы и полицию!»

Браво, Лоньон! Мегрэ захотелось хлопнуть его по колену и сказать: «Да сними же ты маску, стань самим собой!» А может быть, Лоньон почувствовал бы себя несчастным, если бы лишился прозвища горе-инспектор? Он испытывал настоящую потребность жаловаться, ворчать, чувствовать себя самым невезучим человеком на свете.

Такси остановилось на узкой улице Акаций у ресторана Поччо, окна и дверь которого были задернуты занавесками в бело-красную клетку. Переступая порог, Мегрэ почувствовал, как на него пахнуло Нью-Йорком, таким, каким он его увидел тогда благодаря Джимми Макдональду. Ресторан Поччо походил не на парижский ресторан, а на одно из тех заведений, которые можно найти почти на любой улице вблизи Бродвея. Свет в зале был притушен, к этому полумраку надо было привыкнуть; сперва не удавалось разглядеть ни одного предмета, а контуры лиц расплывались.

Вдоль стойки из красного дерева стояли высокие табуреты, а на полках между бутылок красовались маленькие флажки – американские, итальянские и французские. Радиоприемник был включен, но музыка звучала тихо. Девять или десять столиков были покрыты скатертями в красную клетку, точь-в-точь такую же, как на занавесках, а на стенах, обшитых деревом, висели фотографии боксеров и артистов, почти все с автографами.

В этот час ресторан был еще почти пуст. У стойки двое мужчин играли в кости с барменом. В глубине зала сидели молодой человек и девушка, они ели спагетти.

Никто не бросился навстречу вошедшим; правда, все присутствующие проводили глазами эту странную пару – Мегрэ и худого, мрачного Лоньона, и на мгновение в зале воцарилось напряженное молчание, словно кто-то шепнул, едва они переступили порог: «Шухер, полиция!»

Мегрэ задержался у дверей, видимо колеблясь, не устроиться ли им у стойки. Но потом, сняв пальто и шляпу, все же решил сесть за ближайший столик. В зале вкусно пахло пряностями и чесноком. Игра возобновилась. Кости снова ударили о стойку, но бармен при этом не спускал насмешливого взгляда с новых клиентов.

Ни слова не говоря, официант протянул меню.

– Вы любите спагетти, Лоньон?

– Я закажу то же, что и вы.

– Что ж, тогда для начала две порции спагетти.

– Вино?

– Бутылку кьянти.

Мегрэ скользил взглядом по фотографиям, висящим на стенах, и вдруг встал и подошел поближе, чтобы получше рассмотреть одну из них. Снимок, привлечший его внимание, был,

видимо, сделан несколько лет назад; на нем был изображен молодой боксер, в углу фотографии – дарственная надпись Поччо и подпись: Чарли Чинаглиа.

Бармен, по-прежнему стоя за стойкой, не спускал с Мегрэ глаз. Не переставая играть, он спросил:

– Интересуетесь боксом?

– Точнее, некоторыми боксерами. Вы – Поччо?

– А вы – Мегрэ?

Они обменялись этими репликами совершенно спокойно, как бы небрежно, так же как теннисисты перед началом матча для разминки перебрасываются мячами.

Когда официант поставил на столик бутылку кьянти, Поччо сказал:

– А я думал, вы пьете только пиво.

Он был небольшого роста, почти лысый, лишь несколько очень черных волосков торчало на самой макушке. Глаза у него были большие и круглые, нос – картошкой, похожий на нос Лоньона, рот большой и подвижный – рот клоуна. Со своими партнерами, сидевшими против него за стойкой, он разговаривал по-итальянски. Оба они были одеты с чрезмерной изысканностью, и Мегрэ не сомневался, что нашел бы их имена в полицейском архиве. Младший явно употреблял наркотики.

– Лоньон, берите спагетти.

– После вас, господин комиссар.

Быть может, Лоньон и в самом деле никогда прежде не ел спагетти, а быть может, он все это специально разыгрывал: он тщательно подражал всем жестам Мегрэ с видом гостя, который из кожи вон лезет, чтобы понравиться хозяину.

– Невкусно?

– Да нет, что вы, вполне можно есть.

– Хотите, я закажу что-нибудь другое?

– Ни за что! Это наверняка очень питательно. – Спагетти упорно соскальзывали с его вилки, и молодая женщина, сидевшая в глубине зала, не могла сдержать смеха. Кончив играть в кости, те, что стояли у стойки, пожали руку Поччо и, бросив взгляд на Мегрэ, медленно, подчеркнуто медленно двинулись к двери, словно специально демонстрируя, что им нечего бояться и что совесть их чиста.

– Поччо!

– Да, господин комиссар!

Поччо оказался еще меньше ростом, чем можно было предположить, глядя на него через стойку. У него были на редкость короткие ноги, и это особенно бросалось в глаза, потому что он носил чересчур широкие брюки.

Он подошел к столику Мегрэ и Лоньона с дежурной улыбкой на губах и с белой салфеткой под мышкой.

– Так вы, значит, любите итальянскую кухню?

Вместо ответа Мегрэ снова поглядел на фотографию боксера и спросил:

– Вы давно видели Чарли?

– Вы знаете Чарли? Вы были в Америке?

– А вы?

– Я? Я там прожил двадцать лет. В Сен-Луи, в Бруклине.

– Когда Чарли приходил сюда с Биллом Ларнером в последний раз?

Разговор этот шел совсем в американском духе, и Мегрэ заметил, что Лоньон прислушивался к нему с некоторым изумлением. И в самом деле, подобные беседы во Франции происходят обычно по-другому: Поччо вел себя совсем не так, как этого можно было ожидать от хозяина весьма подозрительного заведения, когда его допрашивает полицейский комис-

сар. Держался он крайне непринужденно и уверенно, а его большие круглые глаза искрились насмешкой. Скорчив комичную гримасу, он почесал затылок.

– Выходит, вы и Билла знаете? Неженку Билла, да? Очень симпатичный парень.

– Один из ваших завсегдатаев?

– Вы полагаете?

Поччо подсел к ним.

– Анжелино, принеси стакан.

И он налил себе кьянти.

– Не волнуйтесь, вином угощаю я. Обедом, впрочем, тоже. Не каждый же день мне выпадает честь принимать комиссара Мегрэ.

– А вы весельчак, Поччо!

– Мне всегда весело. Не то что вашему другу. Он, видно, потерял жену?.. – И Поччо поглядел на Лоньона с наигранным сочувствием. – Анжелино! Ты подашь этим господам эскалопы по-флорентийски. Скажи Джованни, чтобы он приготовил их, как для меня. Вы любите эскалопы по-флорентийски, комиссар?

– Позавчера я видел Чарли Чинаглиа.

– Вы только что прилетели из Нью-Йорка?

– Чарли в Париже!

– Серьезно? Ну что за народ! Десять лет назад он звал меня только «мой Поччо», он дня без меня не мог прожить. Впрочем, если мне память не изменяет, он называл меня «папа Поччо». А теперь выясняется, что Чарли в Париже, а ко мне и носа не кажет!

– И Билл Ларнер тоже вас забыл? И Тони Чичеро?

– Повторите, пожалуйста, последнее имя.

Поччо даже не пытался скрыть, что ломает комедию. Он откровенно кривлялся, словно клоун на манеже. Лишь внимательно приглядевшись, можно было заметить, что, несмотря на все ужимки и шуточки, взгляд его оставался жестким и тревожным.

– Странно. Я знал немало разных Тони, но вот Тони Чичеро что-то не припомню.

– Он из Сен-Луи.

– А вы были в Сен-Луи? В этом городе я получил американское гражданство. Ведь я – гражданин Соединенных Штатов.

– Но сейчас вы живете во Франции. И французское правительство может в один прекрасный день лишить вас лицензии на содержание ресторана.

– Почему? Разве я нарушил санитарные нормы? Драк у меня тоже не бывает – можете справиться у комиссара нашего района. Господин комиссар – вы его, наверное, знаете – посещает иногда мой скромный ресторан, для меня это большая честь... В эти часы у меня всегда мало народу – моя клиентура приходит позже... Ну как, по вкусу ли вам наши эскалопы?

– У вас есть телефон?

– Конечно! Кабина вон там, в глубине зала, дверь налево, рядом с туалетом.

Мегрэ встал, направился к телефону, плотно закрыл за собой дверь, набрал номер сыскной полиции и шепотом произнес:

– Жанвье? Я у Поччо, это ресторан на улице Акаций. Предупреди службу подслушивания, чтобы на весь вечер подключились к этому телефону. Времени у тебя достаточно – ничего интересного раньше чем через полчаса не произойдет. Пусть записывают все разговоры, особенно если будет произнесено хоть одно из трех имен, которые я тебе сейчас назову.

И он по буквам продиктовал имена Чинаглиа, Чичеро и Билла Ларнера.

– Ничего нового?

– Ничего. Просматриваю регистрационные карточки гостиниц.

Когда Мегрэ вернулся в зал, он увидел, что Поччо пытается, правда тщетно, вызвать улыбку на лице Лоньона.

– Значит, выходит, вы пришли ко мне не ради моей итальянской кухни, комиссар?
– Послушайте, Поччо, Чарли и Чичеро уже две недели в Париже, вы это знаете не хуже меня. С Ларнером они встретились, скорее всего, у вас.

– Чичеро я не знаю, но что до Чарли, то он, должно быть, сильно изменился, раз я его не узнал.

– Ясно. По некоторым причинам мне хотелось поговорить с этими господами с глазу на глаз.

– Со всеми тремя?

– Речь идет о серьезном деле. Об убийстве.

Поччо комично перекрестился.

– Вы меня поняли? Ведь мы не в Америке, где так трудно собрать улики.

– Вы меня огорчаете, комиссар. Честно говоря, я от вас такого не ожидал. – И добавил, поднимая свой стакан: – За ваше здоровье! Я очень рад с вами познакомиться! Я много слышал о вас, как, впрочем, и все. И я говорил себе: «Этот человек знает жизнь, все видит насквозь». А вы приходите ко мне и обращаетесь со мной так, словно вам невдомек, что Поччо никогда никому не причинил ни малейшего зла. Вы расспрашиваете меня о каком-то давно забытом боксере, которого я не видел десять, а то и пятнадцать лет, и думаете обо мне бог весть что...

– Стоп! Сегодня я больше не намерен обсуждать с вами все это. Я вас предупредил: речь идет о мокром деле.

– Странно, в газетах об этом ничего не было. Кого убили?

– Это не имеет значения. Но если Чарли и Чичеро в самом деле приходили сюда или если вы имеете хоть самое смутное представление о том, где они находятся, то – обещаю вам – вас будут судить как соучастника преступления.

Поччо печально покачал головой:

– Нехорошо так со мной поступать!

– Они приходили сюда, да или нет?

– Когда, по-вашему, они могли сюда прийти?

– Еще раз спрашиваю: они здесь были?

– Здесь бывает столько народу, господин комиссар! По вечерам у меня все столики заняты, часто даже на улице стоит очередь. Разве я могу всех заметить?

– Они сюда приходили?

– Знаете что! Хотите убедиться, что Поччо верный человек? Я вам обещаю: как только кто-либо из них появится у меня, я вам тут же позвоню! Это по-честному. Опишите мне Чичеро.

– Не имеет смысла.

– Тогда как же, по-вашему, мне его опознать? Разве я могу проверять паспорта своих клиентов! Сами подумайте! Я женат, господин комиссар, у меня дети. Я всегда уважаю законы страны, в которой живу. Могу вам сказать: я подал прошение на получение французского гражданства.

– После того, как получили американское?

– Это было ошибкой: мне не нравится тамошний климат. Я уверен, что ваш спутник меня лучше поймет.

Он посмотрел на Лоньона в упор, с жестокой насмешкой, и тот, не зная, куда отвести глаза, громко высморкался.

– Официант! – крикнул Мегрэ.

– Я вам уже сказал, что вы – мой гость.

– Сожалею, но я не могу этого принять.

– Ваш отказ я буду рассматривать как личное оскорбление.

– Как вам угодно. Официант, принесите счет!

В сущности, Мегрэ только делал вид, что сердится. Поччо был не робкого десятка, и это импонировало Мегрэ. Нравилось ему и то, что приходится заниматься парнями, которые оказались не по зубам американской полиции. Что и говорить, железные ребята – такие ведут игру до конца. Разве Макдональд не сказал ему, что Чинаглиа – убийца? Он уже предвкушал радость, которую испытает, когда позвонит через несколько дней в Вашингтон и скажет небрежным тоном: «Алло! Джимми!.. Мне удалось их взять». Но пока что Мегрэ понятия не имел, кем же был тот человек, которого выбросили на улице Флешье, чуть ли не к ногам инспектора Лоньона. Он не знал даже, умер ли этот незнакомец. Что же касается второй машины, той, что подобрала труп или раненого, то про нее уж решительно ничего не было известно.

Видимо, во всей этой истории действовали две враждующие группы. В одну, судя по всему, входили Чарли Чинаглиа, Тони Чичеро и Ларнер.

Но кто сидел во второй машине? Почему эти люди пошли на такое рискованное дело? Если тот человек и в самом деле был мертв, то что они сделали с трупом?

Если же он был жив, то где ему оказали первую помощь?

Это дело пока напоминало уравнение с двумя неизвестными – такие дела попадают очень редко. Видимо, американцы прибыли из-за океана для того, чтобы свести с кем-то какие-то счета, о которых французской полиции ничего не известно.

Единственной опорной точкой является сейчас ресторан Поччо. Там сразу окунаешься в атмосферу нью-йоркского кабачка. И это в двух шагах от Триумфальной арки!

– Надеюсь, настанет день, когда я с вами рассчитаюсь, – пробурчал итальянец, когда Мегрэ, заплатив по счету, встал и собрался уходить.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я хочу сказать, комиссар, что настанет день, а я в этом убежден, когда вы разрешите угостить вас обедом и не станете обижать меня, как сегодня, вытаскивая свой бумажник.

Его большой рот растянулся в улыбке, но глаза не улыбались. Он проводил Мегрэ и Лоньона до дверей и не отказал себе в удовольствии дружески похлопать Лоньона по плечу.

– Вызвать вам такси?

– Не стоит.

– Правда, дождь перестал. Что ж, прощайте, комиссар. Надеюсь, ваш спутник сумеет пережить потерю жены.

Наконец дверь захлопнулась, и Мегрэ с Лоньоном медленно пошли вдоль тротуара. Лоньон молчал. Быть может, в глубине души он радовался, что с Мегрэ обошлись как с новичком.

– Я велел записывать все его разговоры по телефону, – сказал комиссар, когда они уже подходили к перекрестку.

– Я это понял.

Мегрэ нахмурил брови. Если эта мысль пришла в голову Лоньону, когда Мегрэ вдруг спешно отправился звонить, то такой человек, как Поччо, уж наверняка догадался, в чем дело.

– В таком случае он не будет пользоваться телефоном. Скорее всего, он пошлет записку.

Улица была пустынной. Гараж напротив уже был закрыт. Асфальт на авеню Мак-Магон еще блестел от дождя, у тротуара такси поджидало клиентов, и только вдалеке, у следующего перекрестка, можно было с трудом различить три расплывчатых силуэта.

– Думаю, что вам, Лоньон, следует остаться здесь и следить за рестораном. Вы мало спали эти дни, я скоро пришлю кого-нибудь вас подменить.

– Всю эту неделю я дежурю по ночам.

– Но при этом вы должны были бы отсыпаться днем, а вам это не удавалось.

– Это не имеет значения.

Ну что за несносный тип! Мегрэ был вынужден проявлять с ним чудеса терпения, чего он никогда не стал бы делать, общаясь с Жанвье, Люка или с любым другим своим сотрудником.

– Как только придет подменяющий вас инспектор, вы отправитесь домой и немедленно ляжете спать.

– Это приказ?

– Да, приказ. Если вам почему-либо придется отсюда уйти, прежде чем вас подменят, обязательно позвоните мне.

– Хорошо, господин комиссар.

Мегрэ расстался с ним на углу улицы, быстрым шагом направился к авеню Терн, зашел там в первое попавшееся бистро, взял с прилавка жетон и заперся в кабине телефона-автомата.

– Жанвье? Ничего нового? Служба подслушивания ничего не сообщала? Кто с тобой дежурит? Торранс? Скажи ему, чтобы взял такси и поехал на улицу Акаций. Там стоит Лоньон, его надо подменить. Лоньон объяснит, в чем дело.

Потом он сел в такси и поехал домой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.